

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Моника ЗИЛЕ

28

ЖУРНАЛ
ОГОНЬ

№ 10

1988

14

1988

Когда думаю про них, вспоминаю Салдусский район в Латвии. Тут прошла моя журналистская обкатка. Помню колхоз «Яунайс коммунарс» и его председателя Яниса Блума. Хозяйство на крутых холмах Курземе. Техники мало, да и та неважная. Шел послевоенный 1946 год. Блумс нашел часть, которая списывала танки. Если снять башню, танк очень даже годится для пахоты и берет с плугом любую гору. Но даже списанный танк нельзя получить за красивые глаза. Надо платить. Денег нет. Да и если были бы, никакой наш банк в жизни такую финансовую операцию не пропустит. Требуются наличные. Янис Блумс попросил колхозников: «Продайте хозяйству свои яблоки». Та осень была щедрой, яблоки прямо лопались. Закупив фрукты, председатель отправил их на городской базар. Конечно, за более дорогую цену, иначе какой смысл. На выручку купили два танка, все вспахали. После этого Блумса стала трясти прокуратура. Когда выяснили, что себе денег не брал, действия все же признали преступными. Потом уголовное дело прекратили, но приказали убрать из председателей. Три раза районное начальство собирало колхозников на общее собрание, чтобы избрали нового председателя. И три раза уезжали ни с чем: отказываясь голосовать, народ вставал и покидал помещение. Председатель у них уже был, чего зря время тратить и лясать точить, работать надо, а Блумс это умеет.

Теперь «Яунайс коммунарс» — первое хозяйство в своем районе, а Янис Блумс в праздники к лацкану пиджака прикрепляет Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Второе по уровню хозяйство в Салдусском районе — колхоз «Друва». Его председатель Янис Рубулис почти за тридцать лет работы на этом посту похвалы стал получать только в последние годы. А так все больше критиковали. За то, что не идет в ногу со временем — не строит огромных ферм, а возводит поселок; не увлекается всякими модными технологиями, а упрямо собирает и вывозит на поля навоз; не ждет указаний из района, по каким часам коров доить, по каким пасти, а действует по-своему. Однажды на районном совещании его подняли и спросили: «Как же вы дальше думаете жить, товарищ Рубулис?» «А так и буду, пока не докажу преимущества коллективного хозяйствования на селе. Если не будете мешать, скорее докажу». Что тут началось...

Теперь Янис Рубулис — заслуженный агроном республики. За опытом в «Друву» не чураются ехать из знаменитой агрофирмы «Адажи» и из соседних республик.

Значит, можно с облегчением вздохнуть: жизнь все поставила на свои места. Вздохнуть можно, но надо подумать, чего требовала от этих людей такая последовательность и выдержка, какое терпение и сила были нужны, чтобы не сломаться. Это достойно подражания и еще долго нам будет слу-

**ВЕТЕР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.
ОН ПРОХОДИТ ГДЕ ШКВАЛОМ,
ГДЕ ТОЛЬКО ТИХО ВЕРХУШКИ КОЛЫШЕТ.
МЫ УЖЕ УСПЕЛИ
ПОПРОБОВАТЬ ПЛОДОВ ПЕРЕСТРОЙКИ,
РАЗНЫХ НА ВКУС.
БЫВАЮТ И ГОРЕЧЬ, И ВОПРОСЫ:
ЧТО ЖЕ, ТЕПЕРЬ ИЗ ПРЕЖНЕГО БАГАЖА
НИЧЕГО НЕ БРАТЬ В БУДУЩЕЕ?
В ЛЮБОМ ДЕЛЕ ЕСТЬ СВОЯ ОСНОВА.
И ВСЕГДА БЫЛИ ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ЕЕ СОЗДАВАЛИ, ЗА НЕЕ БОРОЛИСЬ,
ПОЛУЧАЯ ТУМАКИ, ВЕРИЛИ В СВОЙ ПУТЬ,
ВЫЧЕРЧЕННЫЙ УМОМ И СЕРДЦЕМ.**

жить примером. Особенно в перестройке — не будем смотреть на ее процессы сквозь розовые очки. Тут очень важна и просто человеческая, и партийная стойкость.

Поэтому хочу более подробно рассказать о третьем по экономическому уровню колхозе этого района — случай особый. Про верность земле и идее, про свет, который бывает недоступен иному зрячему, про мужественность и партийность, хотя эти мои герои сейчас и на пенсии... Такие, как они, привели нас к перестройке, позволили о ней говорить в полный голос. Да и сами не ушли из нее. Как любой, кто честно работает. Ведь уровни перестройки разные. Этажи тоже. Который из них твой?..

Ехать в Москву за собакой он был готов уже в октябре, но только к концу года пришло официальное известие: инвалида 1-й группы Арвида Яновича Барона ждут 8 января... Ну и ладно. Главное, что вопрос решился. Хотя ему и не отказывали, но повод для беспокойства все же был: обученный в специальной школе четвероногий поводырь очень высоко ценится, получить такого желают многие. В радостном возбуждении он стал обзванивать ближайших знакомых. Когда пальцы привычно набрали номер Белсона, трубку взяла Дзидра.

— А благоверный где? Небось, вместе с охотниками в лес поскакал...

— Скачет, как же... По боличной койке.— Дзидра невесело отшутилась.— Вот собираюсь навестить. Что передать-то?

Спрашивала не ради приличия. За те тридцать лет, которые Вилис проработал председателем колхоза, Дзидра привыкла к звонкам в любой час. И знала, что Арвидс никогда без дела не тревожил, хотя его звонки часто приносили беспокойство. Особенно в те годы, когда был парторгом. Теперь они оба с Вилисом пенсионеры. Обеспокоенная молчанием Дзидра подула в трубку и переспросила:

— Так Вилису что сказать, аллэ?

— Что ноги лучше всего лечить танцами.

— Если бы только ноги. Привязался еще какой-то нехороший бронхит. Да и нервный стал очень...

— Пусть чаще вам внуков подбрасывают — вот и успокоится.

На том и попрощались. А про собаку не сказал. Вдруг показалось, что для

занедужившего не на шутку Вилиса эта весть может прозвучать бахвальством: гляди-ка, удача мне подвалила, смотри и завидуй!.. Впрочем, ерунда это. Кто станет завидовать человеку, уже сорок четвертый год живущему в сплошной темноте, не имеющему возможности без поводыря выйти за пределы своего двора.

И вдруг из глубины годов, из архивов памяти сюда врывается крик:

— Да, да! Я завидую вам — из-за той власти, которую вы имеете над колхозом, где вас слушают и подчиняются!

Этот глупый, путающий разные понятия возглас принадлежит молодому парню, из района присланному руководить коммунистами колхоза. А кричит молодой парторг из-за Вилиса Белсона:

— Все говорите, что лучшего председателя не найти, и все пляшут под эту дуду. Но сами ведь знаете, какая у него анкета!

Анкета... Сколько раз по разным поводам он слышал это слово. Про анкеты говорили то вкрадчиво, то сурово, то с торжественным придыханием. Анкета могла стать мандатом. Имела также возможность выстрелить в спину. Кто осмелится спорить против анкеты?

Только в то время, когда молодой парторг кричал про анкету — в середине шестидесятых,— Арвидс Баронс, будучи незрячим, не собирался слепо служить анкетным бумагам. Он давно понял, что главная суть каждого человека — в его верности себе, своему делу. Эту веру питал не только жизненный опыт. Собственные мысли Арвидс Баронс постоянно сверял с главными идеями нашей жизни.

Так поступал и его отец. Когда нагрнул 1905-й, Янис Баронс работал в Риге на заводе. В дни революции пускалось в дело и то нехитрое оружие, которое вместе с товарищами мастерил молодой кузнец. Поэтому он не ждал черносотенцев — последовав совету опытных людей, уехал в деревню. Выбрал Пампальскую волость. Тут нашлись для него кузница и основа для семейного очага. Местные крестьяне, приехав подковать лошадей, поначалу пытались подковырнуть городского: «С такой важной фамилией — Баронс! — и в батраках ходишь!..» Янис не сердился. Посмеялся тоже: «А вы разве не знаете, как латышам фамилии давали? Позвали к барину, тот и нарек, как

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

хотел. Кто беднее и оборваннее, того для потехи мог Бароном назвать».

Кузнец дело знал. Семья имела свой кусок хлеба и возможность дать детям нормальное по тем временам образование. Только жил в этом доме мятежный дух. Особенно проявил он себя, когда, совершив переворот, к власти пришел Ульманис. И вот уже везут двадцатилетнего Арвида и его брата Волдемара под охраной как опасных преступников в уездный центр. Народ спрашивает: «Кого это схватили?» «Врагов власти — красных Баронов». С тех пор, вплоть до 1940-го, их семью по-другому и не называли.

Арвидс хотел выучиться на столяра. Не любил железа. Вот оно и отомстило... Воевал минометчиком, все время горячий металл рядом. Осколки железа повергли его в страшную тьму.

В московском госпитале с одним глазом пришлось расстаться сразу. Разговор про другую избежали — кто знает, может, и поправится, ведь медицина тоже идет вперед. Но через несколько дней пришла женщина с приятным голосом и предложила помощь в освоении шрифта Брайля. «Ведь это... это для совсем слепых! А меня обнадежили, со временем...» «Как же, конечно, конечно... Но знание шрифта не помешает». И он понял. С ужасом, на краю безумия. Оттуда его, можно сказать, вырвал сержант Пучковский, целыми днями вслух читавший книги. Потом появилась соотечественница, кастелянша Берзиня. Однажды ночью 1937-го за ее мужем пришли, и с тех пор она о нем ничего не знала. Но, будучи беспартийной, говорила с Арвидом, как комиссар на фронте: «У вас, коммунистов, сейчас будет много работы. После войны надо жизнь и веру восстанавливать».

Опора жизни — как же! Он горько смеялся над собой, полав в пансионат для инвалидов первой группы. Но через несколько дней попросил работу — ведь руки-ноги целы. Стали вместе с одним, который видел свет, воду в трехведерной бадье носить. Уже не жил совсем без пользы. Память вдруг обнаружила необыкновенную цепкость: раз услышанное уже не отбрасывала, а откладывала и хранила, чтобы бессонными ночами он мог наслаждаться этим богатством.

В родные места Арвидс Баронс вернулся после Победы. Глаза не видели, но уши слышали и помогли постичь разному, что от живописной волости ничего не осталось. Тут ведь до последнего дня кипел страшный Курляндский котел. Поля перепаханы танками, леса все сплошь скошены «катушами», а к берегам реки Венты страшно подойти — воронка на воронке. Местного люда почти не осталось.

Вот стоит во главе колхоза сын участника гражданской войны, комсомолец сороковых годов, окончивший техникум с отличием. Анкета — блеск! Только ведь за бумагой конкретный человек; на него в сей раз не только что равняться, смотреть тошно. Нерасторопен — еще куда ни шло. Так ведь пьет с кем попало. И спяну покуражиться может: «Ты, парторг, меня не регули-

руй. А то к белым медведям пойдешь». «Я такую красоту, председатель, все одно не увижу. И какая мне разница, где с дураками бороться...» В райкоме партии тоже вроде бы согласны: «Да, сгубит он колхоз. Но биография у него безупречная, как раз для руководителя. Где мы найдем такого еще? У вас там почти все с изъятием: то был на оккупированной территории, то еще что». «А куда людям было деться, если уехать не успели? Многим спасибо надо сказать, что сохранили скот, инвентарь — было с чего колхоз начать», — тогда он первый раз поднял голос на вышестоящего.

На другой день услышал: сосед, собутыльник председателя-пьяницы, хвастался, мол, из самой Чека приезжали, велели за Арвидом Бароном присматривать: кто ходит, что говорят. Не испугался и не обозлился. Только почувствовал какую-то свободу духа — вот она, борьба. Значит, не калека он. Сам может быть вожак в борьбе. Он станет проводить линию партии, как ее понимает — найти, выдвинуть, учить и опекать тех, кто умеет руководить сельским трудом так, чтобы измученные войной люди почувствовали вкус к пашне и хлебу.

И парторг начал искать председателя. Наконец все сошлось к Вилису Белсону, агроному из соседнего района, энергичный, знающий, имеет подход к людям. Уже не раз ему предлагались посты повыше. Отказывался. Вряд ли согласится в Пампали... Так и было, Белсонс сказал: «Нет». Но Арвиду Барону в этом коротком слове послышалась бездна горечи. Да как полезешь в душу... Тогда парторг сказал:

— Что ж, насильно мил не будешь. Но об одном по-человечески попросу: выкройте времечко, наведайтесь в наш колхоз. Гляньте глазом агронома, может, что присоветуете.

Белсонс не заставил себя ждать. И покатали они на телеге по полям. Лошадка ковыляет, Вилис держит вожжи и рассказывает:

— Я ведь туда не добровольцем пришел — силой затащили, в саперы сунули. Когда нашу часть наконец послали, где шли бои — в Видземе, — я дал деру. Скрывался у девра... Ну, а потом пришлось посмотреть северное сияние... Пока разобрались что к чему. Вернулся. Землю люблю, образование есть. Вижу, на ваших полях хорошие урожаи собрать можно. Только анкета у меня не председательская...

Было это в 1956 году. В здешних местах еще не было случая, чтобы партийцы способствовали выдвиганию людей с «изъянами» в анкете. А вот в Пампали Арвидс Баронс поручился за нового председателя Вилиса Белсона, увидев в нем хозяина для здешней израненной земли. И на этом посту Белсонс честно служил до конца 1986-го, сделал хозяйство третьим по силе в Салдусском районе и поставив его среди ведущих в республике. Решив уйти на пенсию, объявил это, как обрубил: не отговаривайте! И только Баронс, наверное, понимал, как переживает Вилис, отдавая колхоз в умелые руки своего заместителя. Отдавал, понимая, что буквально через несколько лет хозяйство, опираясь на плоды труда Белсона, сделает резкий скачок вверх. Он уже заранее дарил своему преемнику победу. Немногие способны на такое. Может, Вилис еще бы поработал. Но здоровье стало сдавать, особенно ноги. И однажды нечаянно услышал разговор механизаторов: «А наш совсем барин стал — только пропылит мимо на машине, подойти ленится...»

1956 и 1986 — не просто даты в анкете бывшего председателя «Пампали». Их можно расшифровать урожаем — 50 центнеров зерна с гектара; можно надоями — 4200 килограммов с коровы; годятся для иллюстрации многоквартирные дома и коттеджи, а также полный хозрасчет на всех 22 фермах. Этим не раз восхищалась местная и республиканская печать. Но все же

стоит задать вопрос: а было бы это все, не окажись Арвидс Баронс истинно партийным организатором, сумевшим постоять за председателя?..

А воевать за него приходилось не только в тот раз, когда голосовали на общем собрании. И не только много позже, когда Вилиса Белсона принимали в партию, а Баронс был одним из рекомендуемых.

Характер у Белсона горячий. Заводится с пол-оборота. Сам мог работать, как двуязыльный. Того же требовал от других. Заметит нерадивость, почует ложь — тут уж спуска не жди, никакой дипломатии или тактических подходов, а разнос прямо в лоб, невзирая на анкеты. Честным, трудолюбивым этот стиль пришелся по душе. А были и такие, кто стал строчить анонимки, огрызаться подметными письмами. То в свой ЦК, то, глядишь, и повыше: спасите нас от бывшего дезертира, которого прикрывает парторг. Как «сигнал» вверх, так едут с проверкой или как-то иначе проявляют обостренное внимание.

— Мое дело — всякие разъяснения, а твое — работа. Только ею и терпением можно доказать любую истину, — говорил председателю Арвидс Баронс и в те дни, когда самому предстояла встреча с партийной комиссией ЦК Компартии Латвии. Прошло два года после избрания Белсона, и он уже сумел показать, как умеет работать, — колхоз твердо стал на ноги, окрепла партийная организация. Это оценило районное руководство, и по его рекомендации за укрепление колхозной экономики Арвидс Баронс был награжден орденом Ленина. После этого один республиканский журнал поместил очерк о парторге из Пампали. В ответ — очередной пасквиль уже на Барона. Мол, сам темная лошадка, приукрасил биографию и придумал заслуги, с такими же яхшается. Пампальчане об этом узнали, когда все объяснения были уже позади. Возмутились:

— Ведь ты, парторг, знаешь, чья рука клевету выводит, хотя они подписей не ставят. Чего же ты не мечешь в них свои громы и молнии, которыми отличил владеешь, когда дело касается отстаивания других?

Отмахнулся только. Личная месть была не для него. Мелко это, нечисто. Да и пишут недалекие, глупые. Обойденные не только образованием, но и духовностью. Впрочем, не только с ними пришлось скрестить шпаги убеждений. Был год, когда он болел, и из района прислали парторгом молодого, с отличием окончившего школу. Везло Пампали на отличников... Этот был ершистый и мнил, что станет указывать опытному уже Белсону, где пахать и что сеять, осуществляя таким образом партийное руководство. Мнил себя этаким владыкой — рукой карающей и дающей. Но все невпопад, не по делу. Единомышленников нашел среди недоброжелателей Белсоном — наказанных за лень и головопятиство, пониженных в должности. Нехороший зрел союз. Уже открыто хвастались, что скинут Белсона и поставят своего — без сучка и задоринки. Народ забеспокоился: как бы чего не вышло. Пошли ходоки к Арвиду Барону. И было тогда собрание, на котором он выступил, поставив все на свои места.

— У нас есть люди, — тут он перечислил фамилии, — которые готовы сотрудничать с самой нечистой силой, если она их не будет трогать — позволит пьянствовать, платя за это жалованье, разрешит пасти личный скот на колхозных посевах, делать приписки. Получив по рукам, они вдруг вспоминают патриотизм и великие идеи, рвут рубаху на груди: наших быют, караул! Мне стыдно, что среди них есть коммунисты.

Впрочем, чего же тут винить того молодого человека. Он ведь следовал лучшим примерам. Многие его коллеги в других колхозах рьяно боролись за чистоту анкет, слыли боевитыми и опытными в своем деле, хотя эти

хозяйства по экономической лестнице спускались год от года все ниже.

Пришлось Барону воевать за Белсона и с ним самим. Не ангел ведь. То в горячке действительно кого-нибудь обидит, то заметая не совсем уверенно стоящего на ногах — и из этой песни слова не выкинешь... Хотя за этот грех парторг с Вилисом беседовал очень непримиримо, в глубине души иногда его прощал и оправдывал. Ведь есть же предел терпения. Когда он иссякает, мужики почти все до одного спасаются одинаково... Что же делать Вилису, если нет-нет он опять становится тем забором, о который всякая шваль бока чешет? Тут один сельскохозяйственный деятель недоволен первым секретарем райкома. Пишет жалобу и примером неправильной работы с кадрами берет «Пампали», Белсона. Сколько можно?!

В те годы Арвидс Баронс много выступал по разным вопросам. Можно только подивиться его кругозору и информированности — не всякому зрячему под силу тот объем, который он черпал из газет, радио, литературы, разговоров. Но тут парторг особенно стал выделять одну тему — начало войны. Приглашал боевых товарищей тоже. Они вместе — с мельчайшими подробностями! — рассказывали: как трудно было обычному люду уехать из Латвии в те июньские дни 1941-го. Ничего не скрывая и не приукрашивая, говорили о растерянности и неорганизованности местных властей. Рассказывал Арвидс Баронс об огорчениях и даже унижениях, которые пережил вместе с группой рабочей гвардии, пробившись к границе с Псковщиной. Там их разоружили и, глянув на неприличные, по-латышски заполненные паспорта, сказали: даже и не заикайтесь об отправке на фронт. Не берем таких!.. И весь разговор. А сколько мятарств вынесли, пока добрались до места, где формировалась латышская дивизия! Да, непросто было доказать свою верность Советской власти.

Этим хитро попользовались фашистские оккупанты. Особенно, когда почувствовали неотвратимость поражения. Стался замарать побольше людей, чтобы Советам труднее после войны единомышленников отыскать, жизнь восстанавливать. Конечно, были и добровольные прихвостни — вечный позор для латышского народа, — предлагавшие свои услуги полициям и карателям, равнявшимся в латышский легион. Но ведь оккупанты силой хватили и растерянных, неоперившихся юнцов, силой напяливали на них немецкую форму. Врагом человека объявить не трудно. А дальше с ним что будет?..

Этих бесед требовала не только судьба Белсона. Она-то как раз обрела все большую ясность. Разговоры нужны для выяснения позиции каждого человека в этой жизни, которую с трибуны многие вздохом хвалили, таким образом и свои действия объявляя непогрешимыми.

А ведь у латышей особая ответственность перед историей — это Арвидс понял еще в годы войны. Как только скажешь, откуда родом, так собеседник кивает: «Да, да, латыши — культурный, революционный народ». Эту славу создали латышские красные стрелки, рабочие и крестьянские парни, порой не очень грамотные, но обладавшие огромной духовностью. Они тоже выполняли указания и проводили политику партии. Не умели цитировать классиков марксизма, но понимали суть революции и Советской власти. Этим руководствовались. На Латвию всегда будут смотреть как на родину стрелков, ждуть от нее принципиальности и патриотизма. Лозунгами это провозгласить проще пареной репы. Но на словесной шелухе построенное быстро ветшает. В основу надо ставить дело. Пусть оно станет примером. Вот о чем вел свои беседы Арвидс Баронс.

Он от них не отказался и тогда, когда партийная организация так разрослась, что требовала освобожденного

секретаря. Да и вздумай отойти Баронс от активной позиции, ему уже не позволили бы. Приблеет, не придет на партийное собрание, коммунисты потом друг у друга спрашивают: ну, как, а что сказал бы Баронс по этому поводу? Не претендую ни на какие должности и почести, бывший парторг стал эталоном правдивости и нравственности.

Конечно, было бы неправильно объявить Арвида Барона воином-одиночкой за рост своего колхоза, а районных партийных и других руководителей сплошь неумехами. Мало сделал бы принципиальный пампальский парторг без поддержки первых секретарей своего райкома — Петериса Платациса, Арнольда Зандманиса, Владимира Рымашевского, без Илмара Бента и Сергея Упеника. Эти люди умели брать и делить ответственность. Это и их заслуга, если развивается, зеленеет разбитый войной край.

Братское кладбище теперь в самом центре поселка. Лежит тут больше семи тысяч воинов. В День Победы всегда большой митинг. Есть на нем всегда свое, особое место для Арвида Барона. И в эти минуты он как бы держит ответ перед теми, которые остались вечно молодыми. Он как бы должен ответить на вопрос: а не предал ли ты каким-то своим действием нас, отдавших жизнь? На это Арвиду приходилось отвечать на одной встрече. Тогда он сказал:

— Война принесла много очевидного зла. Но она оставила и яд потайного — жестокости, подозрительности, желание мести. Нельзя питать эти корни. Так я считаю и стараюсь следовать этому правилу.

Вилис ушел с председательской должности в почетном звании заслуженного работника сельского хозяйства. Он это ценит — Баронс-то знает — даже выше своего ордена. Звание крестьянское. Им судьба расплатилась за обиды заслуженные и незаслуженные.

Только уйдя на покой, Вилис все больше болеет. Видимо, верна поговорка про лошадь, которую оглобли держат... Но что поделаешь. Одно только утешение, что здоровье не попусту истратил, а для дела. Однако не любит Вилис, если про это заведешь разговор, — набычитесь... Но, будь он кротким и покладистым, ведь не вытанул бы он «Пампали», нет. Вот какое противоречие.

В жизни много подобных. Проработав бок о бок в одной упряжке тридцать лет, Арвидс Баронс и Вилис Белсонс ни разу не объявляли себя друзьями. Много общего, но, пожалуй, больше разного. Вот тут-то и вся закладка: мало кто так умеет работать, не стараясь под себя подмять другого, не показав превосходство. Увы, мало, если говорим о руководителях.

И еще. Как-то разговоровившись, Арвидс Баронс сказал:

— Может, в моем положении смешно разглагольствовать о везении, но все же... Теперь я думаю, что мне везло с женщинами. В военное время загремел я с тифом в госпиталь. Очнулся в палате смертников — у всех химическим карандашом на голую ногу написаны фамилии, чтобы легче вести учет, когда хоронят. И тут откуда ни возьмись появилась бабуса, таких еще называют божьими одуванчиками, — стала в меня заталкивать гречневую кашу. Выжил только благодаря ей. Потом в глазном госпитале была врач. Анной Афанасьевной звали. Я-то не видел, но все говорили: красавица. Голос нежнейший... Им и убила, что жизнь многогранна, есть в ней свет, доступный и незрячему, возможно — самый главный свет... А Марта... Столько лет она была моими руками, глазами, светлая ей память и земля пухом. Когда ее унесла страшная болезнь, признаюсь, пал духом. Но судьба послала мне Вилму — еще одного преданного и великодушного человека...

Салдусский район
Латвийской ССР